

Матюхов

Иван Наумович

Суметь выстоять

Знакомство с ним было заочным - по телефону. В осеннюю и весеннюю распутицу отрезок дороги в сторону от асфальта где - то в пять километров до их деревни со странным названием Байкал преодолеть трудно. Вот и поднимаешь время от времени трубку, берешь информацию для - газеты, интересуешься жизнью, поддерживая, таким образом связь.

- Байкал слушает! - бодро звучит с того конца провода, - Как дела? Ничего. Нормально, говорю! Сев идет полным ходом...

В трубку было слышно, как шелестели бумаги на столе. Потом четко назывались цифры, имена лучших людей.

Более трех лет назад под первой информацией поставил я тогда подпись: И. Матюхов, бухгалтер отделения.

С тех пор так и пошло. Шли информации и о зимовке скота, и о снегозадержании, и о подвозке кормов. Но однажды он неожиданно вдруг возразил:

- Послушай. Ну, почему ты только сельским хозяйством интересуешься. Давай я тебе лучше расскажу про почтальона нашего, Ивана Андреевича Кудряшова.

- Не по моей это части, Иван Наумович. Для этого есть другие отделы. А в прочем давай, рассказывай.

- Вот это другой коленкор, - оживился он, - а то я было, трубку хотел бросить.

И он с каким - то особым подъёмом рассказал мне о бывшем фронтовике, который по состоянию здоровья работать нигде не может, кое - как ходит с посошком. Но упросился - стал почтальоном. Дали, ему лошадку и вот уже 20 лет в

любую непогоду доставляет с центральной усадьбы совхоза своим сельчанам газеты, журналы, письма.

'- Ты одно пойми, - кричал по телефону Матюхов, - сейчас ведь его в каждом доме ждут, как желанного гостя, не то, что в те, давнишние времена, когда со страхом ждали почтальона с похоронкой. Вот поэтому-то и пошёл Иван в почтальоны. Радость несет человек людям!

Раза три заезжал по командировочным делам на отделение, стремясь поближе познакомиться с корреспондентом, но надо же случиться такому невезению, как назло он отсутствовал.

- В больнице Наумыч, - на вопрос отвечали в конторке, где одновременно и клуб.

- Значит, приболел человек, - думалось, а что за болезнь, спрашивать было как - то неудобно.

И опять потом, через некоторое время, звучало его бодрое:

- Байкал слушает! Как дела? Все нормально...

И удивляла способность Наумыча быть почти постоянно на месте.

Прямо бюрократ какой - то или фанатик, - мелькала иногда шутливая мысль, - прикован он к столу своими толмудами, что ли?»

- Был я у вас, Иван Наумыч, да вхолостую - не застал.

- Приезжай. Теперь уж никаких больниц. Покончено с ними, крышка.

...Встретились. Крепко пожал руку. Но со стула не поднялся. Короткая стрижка, с проседью. Ему лет под шестьдесят.

На отопительной батарее лежит, «греется» войлочная пара, похожая на хоккейные щитки, то ли на боксерские «лапы».

- Ходуны мои, - перехватив взгляд, запросто пояснил хозяин прокуренного кабинета, - без них я теперь как без ног. Отдыхают пусть, пока отчеты составляю.

Увидел его два обрубка, торчащие со стула, лошадь, запряжённую в сани, стоящую под окном и сжалось сердце, стыдно стало, что так запросто разговаривал с ним по телефону, панибратски называл на ты.

Он, словно, понял мое состояние и как ни в чем не бывало, с оттепелью в голосе, по-дружески попросил, что давай, мол, без официальностей, парень, без казенщины, спрашивай, зачем приехал.

А у меня на второй план отошли все служебные дела: материал, который нужно было дать с фермы, выступления животноводов, механизаторов. Что по сравнению с ним все мы стоили? Здоровые, выполняющие то плохо, то хорошо свои обязанности, думающие о заработной плате, о внешнем виде, как бы лучше одеться.

Ничто из всего этого не трогало человека, сидящего за столом, по злой воле судьбы ставшего на полметра ниже своего роста. Ему нужно было постоянное общение с людьми, работа - только этим он сейчас дышал, а значит жил.

Наумыч рассказывал, очень спокойно рассказывал историю, о себе, не требуя ни жалости, ни сочувствия, вроде бы обыкновенную историю партизана, фронтовика, а передо мной зримо виделся и второй Маресьев, освоивший протезы, и шолоховский Андрей Соколов, перенесший страшные операции, и наш земляк, артист Ульянов, сыгравший в кинофильме «Председатель» главную роль. Все эти образы воссоединил в себе этот невысокого роста, седеющий, с нездоровым цветом лица, страдающий одышкой человек. Через все прошел. С честью вынес то, что преподнесла ему война.

...Первого фашиста, появившегося в его родной деревне Синяки, что в Витебской области, он запомнил хорошо. На велосипеде, с автоматом, болтающимся на узкой груди, тот появился на улице в первой половине дня. Въехал без опаски, как хозяин - один.,.

И надо же так случиться, что подвернул почему-то не к кому -нибудь, а к избе Матюховых.

Отец, Наум Андреевич, пожилой человек, в ограде плел волосяное путо для стреноживания коня. Немец - сухонький старичок, немного понаблюдал за его работой, молча вырвал путо и огрел вдоль спины. Отскочил, пролопотал что - то, сел на велосипед и укатил к конторе.

- Убей гниду, приколи вилами - всю семью порешат, деревню выжгут, - поводит желваками, побелевший от гнева отец.

Собирался народ. Переводчицей была недавняя десятиклассница, хорошо знавшая немецкий язык Тамара Афанасьева:

- Он говорит, - кивала взволнованная девушка в сторону непрошенного гостя, - что вы, товарищи, должны быть послушны, помогать великой Германии, называть коммунистов, не оказывать помощи партизанам, и вам будет сохранена жизнь.

- Гут, гут, - согласно кивал тот.

- Кто не будет подчиняться новому порядку, тому грозит смерть.

- Пук! Пук! Пук! – поводил пальцем по толпе в ответ на это немец, как будто понимал значение сказанных слов.

Уже на следующий день каратели были тут как тут. Выловили несколько окруженцев, прятавшихся в бурьяне, сараях. Построили на площади. Немец – старичок, который первым наведывался, в деревню, согнулся, встав на колени. Другой – положил пулемет на его спину, дал очередь.

Не взлюбили Синяки фашисты. Видя, что житья не будет, взрослые мужчины, подростки ушли в партизаны. Подался к ним и Наум Андреевич, прихватив сына - комсомольца, Ивана.

Вторая Белорусская бригада имени Пономоренко росла, крепла в боях. Не давая покоя врагам, партизаны совершали дерзкие ночные налеты, нападали на немецкие гарнизоны, когда их не ждали. Тесна была их связи с местным населением.

Враг свирепел. Применял карательные акции. В который раз попали в опалу Синяки. На этот раз согнали на площадь всех жителей.

- Кто укажет партизанские семьи,- с акцентом говорил офицер, - тот будет спасен. Пять минут размышляйт. Потом всех будем стреляйт!

Нашелся один такой, Лопашев по фамилии. Хотя его в деревне всяк кликал: «Лопаш».

- Лопаш, Лопаш, - дразнили этого не работающего в колхозе, прикидывающегося больным, сутулого мужика мальчишки, - хоть в деревне, а не наш...

- Я вам еще покажу! - грозился Лопаш, - я вас всех проучу.

Настало время, наказал.

- У ентной в отряде мужик. Вот у ентной сын в лес сбежал. А вот у ентной, - остановился предатель напротив матери Матюхова Агафьи Ефимовны и ткнул кулаком ей в грудь, господин офицер, партизанят ажно двое. Батька и щенка с собой уволок.

Расстреляли Агафью Ефимовну, многих других сельчан. Такая же участь постигла и Лопаша.

- Ты есть ненужный для великой Германия, - сказал ему офицер, обещавший жизнь, - ты есть проташный шкура. - И сам выстрелил ему в рот,

Об этом много лет позднее поведали брату сестры Липа, Лида, Шура, которые остались в живых только потому, что их вместе с другими подростками угнали в Германию,

Узнали про страшную беду в партизанском отряде. Кучка храбрецов упросилась отпустить, чтобы хоть похоронить погибших. Ночью вошли в деревню. Увидев место побоища, не выдержали и, потеряв осторожность, бдительность, кинулись отыскивать своих. Из окон домов, крыш ударили пулеметные, автоматные очереди.

В отряд вернулись немногие. Среди них и Иван. А там, в Синяках, рядом с матерью, остался лежать на снегу его отец.

Посуровел еще сильнее после этого Матюхов. Постоянно просился в разведку, в самые рискованные рейды, вылазки. И два раза среди землянок, перед строем народных мстителей слышалось: «За самоотверженность, героизм, проявленные в борьбе против немецких захватчиков, представить к награде медалью «За отвагу» Ивана Наумовича Матюхова!»

Представить-то представили, да где их здесь, в глухом лесу, глубоком немецком тылу возмёшь?

Да и не ради наград воевал молодой партизан. Он мстил за погибших родителей, за сестер, находящихся в фашистском рабстве, за то, что его заставили стрелять в людей, за потерянную молодость.

В одну из отчаянных вылазок группа подорвала «Опель», порешила сопровождавших его мотоциклистов, забрав документы, и уже стала отходить, как вдруг из-за поворота лесной дороги вынырнули три бронетранспортера, легкая танкетка. В неравном бою из 36 товарищей в живых осталось только 13. Самого Матюхова, раненного в ногу, чудом вынесли к своим.

- С этого черного дня началась вторая серия моей автобиографии, - шутит собеседник, - Ты понимаешь, браток, немцы к тому времени вспять повернули, самое время б мне их чертово племя бить, а она, рана, стало быть, помехой стала. Такая злость берет. Сумел я все-таки вместе с остатками партизанского отряда влиться в 26-ю гвардейскую дивизию. Сержантом стал, командиром расчета пулемета «максим» был, а мелкие костные осколки, как живые зашевелились, стали выходить. И терпел бы, сколько можно, но тут, как назло, перед Невером вдобавок контузило. Попал в госпиталь в Великие Луки, и пошло, и поехало. Одним словом, списали в самый неподходящий момент, как ненужный элемент.

- На первых порах добрался до дому. Стою, гляжу на пепелище. Слезы, как у той коровы, произвольно текут. Ни отца, ни матери, ни сестер, ни одной хотя бы живой души. Даю задний ход. В райвоенкомате Христом богом прошусь на фронт.

- Какой из тебя вояка? - говорит военком, - а вот председателем колхоза в соседнюю де-ревню Бибино сгодишься!

- Какой из меня председатель! - не выдержал и ору, — не имеете такого права! Мне всего семнадцать лет исполнилось!

- Что, трусил? На фронте сейчас, конечно, полегче. Туда, значит, норовишь.

Одним словом, доконал он меня. Допек. Толковый мужик был, умный. Жаль фамилию не запомнил. Вот так и стал я в семнадцать лет председателем. Пришкандыбал с костылем в Бибино и чуть не ошалел: лошади ни одной, весь рабочий арсенал, так сказать, бабы.

А работать надо было. Нужен был хлебушко, картошка. Не поверишь, браток, что по первости плуг всем колхозом тягали. Да, да. Потом, правда, стали лопатами землю вскапывать. Позднее дело до лошадей дошло...

Рана, растревоженная на работе между тем, все чаще напоминала о себе, начала гноится. Тогда Матюхов попросил, чтобы его освободили от председательства, закончил курсы трактористов.

- Все – таки, не пешком. Поползал возле трактора, подшаманил взобрался на сидение, едешь, вроде бы даже отдыхаешь. Потемнеет, правда в глазах, когда сцепление ногой отжимаешь. А так ничего жизнь пошла веселее.

Только горя, как в народе говорят, одного не бывает. Неожиданно быстро начала опухать вторая нога. Сказались те «прогулки» по снегу, не один раз обмороженные, не один раз отогретые у костра и тут же простуженные ноги. Назревала гангрена.

Она нагрянула, когда Матюхов, приехав к своим родственникам в Кормиловский район, тут и остался. Ампутировали одну ногу, а затем и вторую.

Лечили всякие доктора и хорошие, и плохие. Сколько операций перенес! Прилаживал к культям, осваивал протезы.

Особенно не повезло с капроновыми.

- Иван Наумович, - уговаривали его, - смените свои тяжелые на более легкие. Вам будет легче, и нам поможет.

Он не знал, что один из рекомендовавших протезы, защищал докторскую диссертацию. Что ему нужна была реклама.

- Я всегда верил докторам и верю. Только пролетел, браток, с капроновыми. Осваивал их с большим трудом. Днем ходил, топтался, а ночью, честно скажу, плакал. Не обидно бы было, если вся эта морока на пользу пошла. Теперь и старые протезы не пристегнёшь и новые. Не ходить мне, видно, больше по нашей байкальской улице...

Не ходить? Нет, мне он видится только шагающим. Шагающим широко и размашисто. 15 лет Матюхов проработал в Байкале трактористом и агрономом, сейчас бухгалтер.

Четыре года назад отделение взяло зерновых на круг по 20 центнеров с каждого гектара.

Директор совхоза «Правда» Александр Иванович Мезер раздобыл и выделил ему для поездки по полям мотороллер с кузовом. Первый Секретарь РК КПСС Николай Дмитриевич Осадчий как - то, встретившись с фронтовиком в поле, спросил?

- Может в легковую машину, Иван Наумович, пересядешь? Удобнее будет, сподручнее с делами справляться.

Так появились «Жигули». Ручное управление к ним делал сам Матюхов, потому что все умеет, все ему по силам.

Члена КПСС, ветерана войны и труда нашли и его боевые награды. Помните те две медали «За отвагу»? Их ему вручили.

- Мои сестры были освобождены нашими, вернулись из Германии, живут сейчас в Витебске. Все зовут к себе. Дом, говорят, приличный присмотрели. А как я отсюда уеду, браток? Продавать мне прикажете, что ли корову, две телки? В городе - то их держать не станешь. Мне нужна земля, не асфальт. На ней тверже стоишь!

—Вот запрягаем со своей супругой, Александрой Фоминичной лошадку, взберусь я в сани – и айда вдоль улицы. Захочу, выйду и за околицу, на наши поля погляжу. Красота. Простор! Много общего у них с синяковскими! Душа радуется! А что еще человеку надо?

Литература:

1.Кормиловский район [Текст] // Солдаты Победы. – Омск. – 2002. – Т.6. – С. 69.

2.Овчинников, В. Суметь выстоять [Текст] / В. Овчинников // Нива. – 1982. – 18 февр. – С. 3.